

Б. С. Ляпустин

Провинции в хозяйственной жизни знатной римской фамилии II в. до н. э. — I в. н. э.

Настоящая статья не может охватить всю широту темы и поэтому здесь будут рассмотрены только отдельные наиболее яркие проявления соответствующих процессов. Сначала несколько слов об основных тенденциях в хозяйственной жизни римской фамилии этого времени.

Начиная со II в. до н. э. в римской фамилии появляются новые фигуры: *magister pecoris* — старший пастух, связанный с отгонным скотоводством на вилле, и *magister navis* — капитан корабля и торговый агент домовладыки [1, с. 91–96, 100–101]. Это знаменовало новый поворот в хозяйственной деятельности знатной римской фамилии. Прежде всего, произошло расширение сфер производственной деятельности, продиктованное стремлением извлекать больше доходов, что и обеспечивали скотоводство и торговля, прежде всего, заморская. Знатным римлянам это давало возможность поддерживать высокий социальный статус и иметь средства для активной политической деятельности. Кроме того, изменялась и структура управления семейным хозяйством. В конечном счете сформировалась сложная система соподчинения подвластных лиц домовладыке, порой доходящая до четырех ступеней, например: 1) *pater familias*, 2) подвластный сын с *пекудием*, 3) подчиняющийся сыну владелец корабля и, наконец, 4) управляющий кораблем *magister navis*, который и приносил реальный доход домовладыке (Gai. IV, 71; Dig. 14. 1. 1, 19–20).

Таким образом, появилась возглавляемая магистрами подвижная часть хозяйства фамилии как на суше, так и на море, которая, находясь вдали от Рима, надолго теряла связь с *pater familias* и поместной администрацией. По словам Цицерона, области салентинцев и Бруттий в Южной Италии, специализировавшиеся на отгонном скотоводстве, — это территории, весьма удаленные от Рима, и владельцы с трудом могут получать известия из своих поместий трижды в год (Cic. Rosc. Amer. 132). То же самое вполне относилось и к кораблям, подолгу находящимся в плавании. Все это приводило к потере эффективного контроля над подвластными при получении дохода от новых форм деятельности и вместе с возможностью получать прибыль порождало для *pater familias* различные проблемы и конфликты, прежде всего, в сфере предпринимательской деятельности.

Завоевание Римом новых территорий дало толчок бурному развитию различных форм хозяйственной жизни и экономической деятельности у всех слоев римского общества — от рядовых граждан до представителей сенатского сословия. «Знатные и незнатные римляне наживались на торговле, ростовщичестве, подрядах, откупах, войне, различных политических и экономических махинациях в провинциях» [2, с. 21]. Не имея возможности рассмотреть все формы обогащения, которые были возможны в провинциях, остановимся только на некоторых.

Уже в IV—III вв. до н. э. войны обеспечивали Риму рост богатства. При этом солидная добыча, которую полководцы доставляли в Рим, почти полностью использовалась в интересах общины — на украшение Рима и строительство храмов [3, с. 61; 4, р. 27]. После образования провинций во II в. до н. э. начали благоустраивать не только Рим, но и города Италии [5, с. 8–9]. Но эта ситуация вскоре изменилась. По словам Веллея Патеркула (II. 1, 2), «за общественным великолепием последовала частная роскошь»¹. Особенно быстро она стала распространяться в Риме после второй Пунической войны и победы над македонским царем Филиппом (Val. Max. IX. 1, 3). Полководцы присваивали себе львиную долю добычи, консуляры и претории, т.е. военные командиры, не только превратились в богатейших людей Рима, но и стали самыми могущественными патронами. Теперь они покровительствовали не только своим друзьям и землякам, но и — по праву завоевателей — царям и целым народам, а в ответ получали средства «для престижного блеска» [5, с. 37].

Вовлеченность в военно-политическую сферу открывала пути к обогащению для немалой части римской правящей элиты. Должности легатов при штабе полководца или в штате наместника богатой провинции были лакомым куском для любого политического деятеля. Так, Марк Туллий Цицерон и его брат Квинт постоянно нуждались в деньгах, и когда Квинт стал легатом Цезаря в Галлии, Цицерон не скрывал радости по этому поводу, отмечая, что Цезарь щедрый полководец, а его подчиненные всегда получают богатую добычу (Cic. Ad Q. fr. III. 6, 1). Он настаивал, чтобы брат как можно дольше оставался в Галлии.

Появление провинций оказало большое воздействие на развитие торговли и проведение финансовых операций. Уже во II в. до н. э. Катон Старший вкладывал средства в заморские торговые экспедиции, приносящие огромный доход. Сам нобиль напрямую в них не участвовал, а делал это через преданное доверенное лицо — отпущенника Квинктиона (Plut. Cato mai. 21). С этого времени торговые агенты знатных римлян устремляются не только в завоеванные провинции, но и на отдаленные территории, не входившие в состав римской державы.

Богатый материал в этом плане дают нам, в частности, дунайские провинции. Так, исследовавшая процесс романизации этих территорий Ю.К. Колосовская обратила внимание на многочисленные надписи с *nomen* Барбиев [6, с. 59; 7, с. 153–155]. Как показал А. Домашевский, они принадлежали отпущенникам торговцев из Аквилеи, обосновавшихся в важнейших городах дунайских провинций [8, S. 159–160]. Представители этого рода, который вначале был землевладельческим и вел свое происхождение из Средней Италии, сыграли немалую роль в колонизации Аквилеи, а затем и в экономическом освоении Норика, где Барбии и их отпущенники, занимавшиеся преимущественно торговой и ремесленной деятельностью, появились еще при Сулле [9, с. 164; 10, р. 95–99; 11, S. 298–299; 12, р. 333; 13, р. 583]. Широко в этот регион проникали и отпущенники рода Цезерниев, происходящего из Северной Италии. Например, Тит Цезерний Януарий, отпущенник Тита, сефир Эмоны (совр. Любляна, куда в 14 г. Тиберий вывел колонию ветеранов паннонских легионов), соорудил себе и своим близким при жизни надгробный памятник (CIL III, 3850). Тит Цезерний Дифил из Аквилеи, отпущенник Цезернии Ассупы, тоже был сефиром Эмоны. Луций Цезерний Примитив и его жена Олия Примилла в своих завещаниях оставили по легатам 200 денариев четырем декуриям коллегии ремесленников (CIL III, 3893). Вполне вероятно, что они представляли интересы своих патронов и в конечном счете способствовали их экономическому процветанию. Не исключено, что в том числе и благодаря активной деятельности отпущенников Цезернии достигли большого социального подъема: Тит Цезерний Стаций Квинций Македон в середине I в. н. э.

¹ ...publicamque magnificentiam secuta priuata luxuria est. Пер. А. И. Немировского.

входил в *ordo* всадников и при Домициане был прокуратором Верхней Мезии, при Траяне — прокуратором Мавретании Цезарейской [14, р. 159–160; 6, с. 59], а его сыновья Тит Цезерний Стаций Квинкий Македон Квинкциан и Тит Цезерний Стаций Квинкий Стациан Меммий Макрин были уже сенаторами и консулами в 141–142 гг. [ILS 1068, 1069; CIL V. 866; 14, р. 59–60; 15, Sp. 1310].

Появление провинций и активная деятельность в них отпущенников дальше развивает тенденцию, открытую магистрами *resoris* и *navis*. Знатная фамилия вслед за *civitas* выходит за свои традиционные территориальные рамки и становится новым, разбросанным по провинциям организмом. Отдельные ее части находятся теперь на все более значительном удалении от *pater familias*. Эта новая территориальная рассеянность по провинциям элементов фамильной собственности и усложнение хозяйственной деятельности порождает в свою очередь проблему контроля за эффективным и полным получением дохода по заключаемым агентами домовладыки торговым и финансовым сделкам. Ведь недобросовестные или рискованные операции доверенных лиц, их злоупотребления могли причинить значительный ущерб имуществу *pater familias*. Такие ситуации не были редкостью и становились предметом разбора римскими юристами.

Так, возникавшие по поводу деятельности магистра корабля конфликты разрешались на основе преторского иска (*actio exercitoria*), по которому господину вчинялся иск на полное удовлетворение (*in solidum* — Gai. IV, 71). Иск этот несколько отличался от другого распространенного иска, предъявляемого домовладыке по поводу деятельности подвластного ему приказчика лавки или таберны (*actio institoria*).

Формула *institoria* имела место тогда, когда *pater familias* поручал управление таберной, входившей в его имущество, или каким-либо промыслом своему сыну или рабу, или кому-либо постороннему, будь то раб или свободный (*quis tabernae aut cuilibet negotiationi filium servumve aut quemlibet extraneum, sive servum sive liberum*), и они заключали договоры только в рамках того дела, на которое и были поставлены. Иск этот назывался *institoria*, потому что тот, кого назначали управлять таберной, назывался *institor*. Формулой такого иска также предусматривалась ответственность *pater familias* в полном объеме, *in solidum* (Gai. IV, 71).

Другой преторский иск — *actio exercitoria* — назывался так потому, что хозяин судна, назначивший магистром корабля постороннее лицо, раба или свободного, к которому поступали все доходы и прибыль от корабля, назывался *exercitor* (Gai. IV, 71; Dig. 14. 1. 1, 15). Особенности этого иска разъясняет Ульпиан (Dig. 14. 1. 1, 19–20). При такой организации управления кораблем доходы поступали от магистра не непосредственно к *pater familias*, а к хозяину судна, а сам *exercitor*, т. е. хозяин корабля, мог оказаться лицом, подвластным *pater familias*, — сыном или рабом. В таком случае по сделкам, заключенным магистром корабля, все равно отвечал глава семейства, поскольку подвластное лицо держало корабль по воле домовладыки. Однако этот иск отличался от *actio institoria*.

В первую очередь, это было связано с иной формой организации деятельности на корабле. Инститор в таберне всегда имел указания (*praepositio*) и вывешенные предписания (*proscriptio*), четко регламентировавшие деятельность институтора и доступные для любого посетителя. Поэтому в таберне существовали строго определенные, стабильные, предсказуемые и, самое главное, легко контролируемые домовладыкой формы деятельности подвластного ему институтора. Магистру корабля также давалось указание (*praepositio*). Но вот устойчивых, предсказуемых условий его деятельности на корабле, находящемся в дальнем плавании среди все время меняющейся ситуации, не было. А, главное, постоянного контроля и эффективного принуждения по отношению к магистру корабля домовладыке было добиться довольно трудно.

Такой своей самостоятельностью *magister navis*, скорее, был подобен *magister resoris*. Но проблем для домовладыки он мог создать неизмеримо больше. Ведь у старшего пастуха не было ни средств, ни возможностей для активной предпринимательской

деятельности, а перед магистром корабля открывались широкие перспективы: он вполне мог без всяких указаний домовладыки самостоятельно пуститься в рискованные, но сулящие большой доход торговые операции. В то же время глава фамилии не имел действенных рычагов, чтобы непрерывно контролировать и удерживать в поставленных рамках магистра корабля, если тот самовольно не соблюдал выданных ему предписаний. Понятно, что домовладыка не мог нести одинаковой ответственности за действия инстинтора в лавке, находившейся постоянно в поле его зрения, и за сделки магистра корабля, связь с которым обрывалась порой на недели.

Важный дополнительный аргумент, подкрепляющий выводы об особенностях положения магистра корабля в рамках фамилии и его деятельности, дает понимание причин применения в разбираемых исках таких юридических понятий, как осведомленность (*scientia*) и волеизъявление (*voluntas*)¹. Это наиболее ясно видно при сопоставлении ответственности господина по сделкам раба, заведующего таберной, и магистра корабля. По сделкам, совершенным рабом, торгующим товарами в таберне, которая являлась его пекулием, господин отвечал в большинстве случаев по *actio tributoria*. Одним из условий предъявления этого иска была *scientia domini*, т. е. осведомленность господина о сделках, заключаемых рабом. А наличие или отсутствие волеизъявления господина (*voluntas*) значения не имело.

Это напрямую контрастирует с *actio exercitoria*. Главным для римских юристов при определении объема (полного или нет) ответственности домовладыки было выяснить, заключил ли магистр корабля сделку по воле господина (*voluntas domini*) или же имела место лишь осведомленность последнего (*scientia domini*). Ульпиан ссылается на Помпония, согласно которому, если магистр корабля являлся подвластным лицом и совершал сделки по волеизъявлению господина, то домовладыка нес ответственность в полном объеме, а если *pater familias* был лишь осведомлен об этом, то отвечал лишь в объеме пекулия², который существовал отдельно от счетов господина.

Точно такую же роль играло наличие *voluntas* и в следующей ситуации. Если подвластный сын имел пекулий, и по его воле раб из состава этого пекулия эксплуатировал корабль, то по сделкам такого раба сам сын должен был нести ответственность в полном объеме, а домовладыка, который не давал своего волеизъявления, — отвечать лишь в объеме пекулия по соответствующему иску³. Одна лишь осведомленность домовладыки без прямого его волеизъявления (*scientia sola et nuda*) исключала для него ответственность *in solidum* по обязательству, заключенному подвластным (Dig. 14. 1. 1, 20).

Таким образом, непосредственное волеизъявление домовладыки относительно сделок магистра корабля было решающим аргументом при установлении его ответственности по соответствующему иску в полном объеме⁴. Инстинтор в лавке и магистр корабля действовали в разных условиях, и это не позволяло домовладыке в обоих случаях одинаково управлять семейной собственностью и осуществлять равно эффективный контроль за своими подчиненными. Этим и было обусловлено различие

¹ Мы здесь не будем касаться дискуссионной проблемы о нюансах понимания содержания терминов «*scientia*» и «*voluntas*», которая требует отдельного рассмотрения [см.: 16, р. 342; 17, р. 188; 18, S. 142; 19, р. 342; 20, S. 300; 21, с. 165–166].

² Dig. 14. 1. 1, 20: Et ita videtur et Pomponius significare, si sit in aliena potestate, si quidem voluntate gerat, in solidum eum obligari, si minus, in peculium.

³ Dig. 14. 1. 1, 22: si tamen servus peculiaris volente filio familias in cuius peculio erat, vel servo vicarius navem exercuit, pater dominusve, qui voluntatem non accomodavit, dumtaxat de peculio tenebitur, sed filius ipse in solidum.

⁴ В контексте всего сказанного представляется сомнительным предположение, что слова Помпония (Dig. 14. 1. 1, 20) об ответственности домовладыки в полном объеме по сделкам, заключенным подвластным магистром корабля, являются искажением или были высказаны по другому поводу [ср.: 21, с. 164].

в ответственности, наступавшей для *pater familias* в случае причинения подвластными лицами ущерба их контрагентам.

Для римских юристов было ясно, что невозможно одинаково оценивать поведение главы фамилии по отношению к инститору и магистру корабля. Одно дело, когда подвластный инститор действовал под боком у домовладыки и его легко было поставить в предписанные рамки (для домовладыки уже одного знания, что его *graepositio* нарушается, было достаточно, чтобы принять жесткие меры к подвластному лицу). Другое — когда магистр корабля находился за многие сотни миль от своего господина и возможность воздействия на него силами *pater familias* фактически равнялась нулю. Ответственность в наибольшем объеме господин нес только тогда, когда действия магистра корабля, причинившие ущерб, совершались непосредственно по его приказу.

Описанные особенности организации разросшегося хозяйства богатых фамилий показывают, что едва ли управление им могло обеспечить устойчивый рост богатства. А между тем участие в политической жизни требовало немалых средств и подчас грозило разорением. Поэтому в эпоху Поздней республики нобили часто сталкиваются с острой нехваткой денег. Как показывает переписка Цицерона, и сам он, и его брат Квинт постоянно нуждались в наличных деньгах и были озабочены их поисками. Наиболее полно решить возникающие проблемы позволяли крупные финансовые операции, и провинции открывали для знатных фамилий простор для деятельности в этой сфере, которая оказалась сосредоточена преимущественно в руках всадников [22, р. 357–375]. Самыми доходными были откупа, которые приносили огромные барыши. Одной из наиболее ярких фигур здесь предстает Гай Рабирий Постум, сколотивший на этом огромное состояние. Он вовлекал в сферу своей деятельности близких ему людей, в том числе из числа сенаторов. Однако занятия откупами в высших сферах Рима считалось делом предсудительным, и не все участвовали в них [22, р. 343]. Но даже те, кто был щепетил, как Тит Помпоний Атик, который никогда не принимал участия в откупах¹, тем не менее в провинциях благодаря различным финансовым операциям могли сколотить крупное состояние. Атик основной территорией своей деятельности избрал Эпир, но его должники находились и в Македонии, и на Делосе, и в Эфесе. И Атик, и Рабирий Постум регулярно занимались тем, что давали деньги под проценты городским общинам и народам, а Рабирий Постум даже предоставил огромный заем царю Египта Птолемею Авлету. В этих операциях всадники использовали не только свои собственные средства, но и деньги своих друзей, в том числе сенаторов и даже наместников провинций, как проконсула Сирии Авла Габиния².

Осуществление столь масштабных финансовых операций было невозможно без доверенных лиц, которые должны были быть преданными и честными, и поэтому их не могло быть много, как правило, один-два. Из переписки Цицерона известно, что его доверенным в финансовых делах был Клувий, у его брата Квинта — Эгнаций³, а у Атика — Гай Весторий⁴. Как убедительно показал Ж. Андро, этих финансистов аристократии следует отличать от профессиональных денежных дельцов, ростовщиков и менял (*argentarii*, *soactores argentarii*), которые принадлежали к более низким социальным слоям, оперировали гораздо меньшими суммами, да и сама сфера их деятельности ограничивалась узко локальными рамками [26, р. 663–664], тогда как финансовые дела знати предполагали оборот значительных денежных средств и перемещение денег и людей между городами Италии и даже разными провинциями. Поэтому все такие операции римская знать проводила при участии посредников своего уровня.

¹ *Nep. Att.* 6, 3: *ad hastam publicam numquam accessit. Nullius rei neque praes neque manceps factus est.*

² О Рабирии Постуме и его делах см.: 23, р. 1000–1002; 24, р. 27–28, nt. 44; 25, р. 75–76.

³ *L. Egnatius Rufus*, римский всадник [23, р. 866–868; 26, р. 700–701].

⁴ О Клувии и Вестории из ПUTEОЛ см.: 26, р. 692; 25, р. 52, 117–118.

В разнообразных делах приходилось прибегать и к помощи отпущенников. Однако те нередко использовали имя знатного патрона в своих корыстных интересах, и дискредитируя патрона, и просто лишая его ожидаемого дохода. Так, мы узнаем о счетоводе (*ratiocinator*) Гиларе, отпущеннике Цицерона и клиенте Аттика. В письме, адресованном Аттику в Афины, Цицерон просил друга разузнать на месте все о непорядочной деятельности «подлинного негодяя» Гилара, расследовать, подробно разобрать дело и устранить «этого бездельника» (*nebulonem illum*) из тех дел, где есть возможность (*Cic. Ad Att. I. 12, 2*). Этот эпизод интересен тем, что показывает, насколько сенаторам, непрерывно связанным с политическими делами в Риме и находящимся по большей части в Италии, выкраивая время лишь на посещение своих поместий, было трудно вникать в текущие финансовые операции и эффективно контролировать их ход. В подавляющем большинстве случаев требовалось их личное присутствие. Атик в наиболее важных сделках предпочитал присутствовать лично, не доверяя их своим агентам. Это видно из писем Цицерона, который, находясь в 51–50 гг. до н. э. в Азии, чем мог, помогал Аттику в его финансовой деятельности: например, во время одной из сделок он рекомендовал наместнику Минуцию Терму доверенных лиц Аттика — отпущенника Филогена и Сея (*Cic. Ad Att. V. 13. 1*). Но Атик не доверил это дело прокуратору и доверенным лицам и принял решение лично присутствовать на сделке в Азии. Такое поведение ни Цицерон, ни другие сенаторы позволить себе не могли, и в заключении сделок за пределами Италии могли участвовать лишь спорадически. Только у всадников для такой деятельности были развязаны руки. Но, в свою очередь, занятие крупными денежными операциями не оставляло им места для активного и постоянного участия в политической деятельности в Риме.

Таким образом, провинции с их возможностью получения огромных богатств за счет финансово-денежных операций становятся одним из факторов, которые делили римскую элиту по образу жизни и поведению. Нобили основную часть времени неизбежно посвящали политической деятельности, а представители всадничества с головой погружались в финансово-экономические операции на территории провинций.

Это проявляется в своеобразном парадоксе, который переживает римская элита в конце Республики. Активное участие в политике, борьба и конфликты требовали от ее представителей значительных денежных расходов, а как раз наличных средств большинству из них постоянно и не хватало. Из-за общественных трат беднели даже некоторые семьи нобилитета [5, с. 42], богатство которых «легко и часто» съедала политическая деятельность [27, с. 306]. Неравенство в доступе к плодам завоеваний бичует Саллюстий, влагая в уста Меммия, выступавшего на народной сходке, такие слова: «В прежние годы вы молча негодовали, глядя, как государственная казна опустошается, как цари и свободные народы платят дань нескольким знатым людям, как одним и тем же людям достались и высшая слава, и огромные богатства»¹. А от фамильной собственности нельзя было получить достаточно средств для выполнения гражданских обязанностей. Оказывается, социально-экономическая основа древнеримского общества — фамилия, которая обусловила расцвет римского государства, в конце Республики уже не могла обеспечить стабильную политическую деятельность римской знати. Собственно, это не что иное, как проявление черт кризиса знатной римской фамилии, которая вслед за *civitas* не только вышла за свои традиционные территориальные рамки, но и вместе с ней вступила в полосу кризиса.

Ключевые слова: древний Рим, провинции, фамилия, сенаторы, всадники, экономика, финансы.

¹ Sall. Iug. 31, 9: Superioribus annis taciti indignabamini aerarium expilari, reges et populos liberos paucis nobilibus vectigal pendere, penes eosdem et summam gloriam et maximas divitias esse. Пер. В. О. Горенштейна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ляпустин Б. С. Magister в хозяйственной структуре римской familia II в. до н. э — II в. н. э. (К вопросу о функциях и правомочиях рабского magister)//Вестник Московского университета. — Сер. 8. История. — 2007. — № 3.
2. Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. — М., 1964.
3. Квашигин В. А. Генезис сумптуарного законодательства в древнем Риме. — Вологда, 2009.
4. Oakley S. The Roman Conquest of Italy//War and Society in the Roman World. — L.; N.-Y., 1993.
5. Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). — М., 1986.
6. Колосовская Ю. К. Роль италийских отпущенников в романизации Паннонии //ВДИ. — 1972. — № 1.
7. Колосовская Ю. К. Рабство в дунайских провинциях//Штаерман Е. М., Смирин В. М., Белова Н. Н., Колосовская Ю. К. Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв. — М., 1977.
8. Domaszewski A. Die Beneficiariereposten und die römische Strassennetze//Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst. — 1902. — Bd. 21.
9. Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае I—IV вв. н. э. — М., 2000.
10. Panciera S. Vita economica di Aquileia in eta Romana. — Aquileia, 1957.
11. Piccottini G. Die Stadt auf dem Magdalensberg — ein spätkeltisches und frührömisches Zentrum im südlichen Noricum//ANRW. — II. 6 (1977).
12. Veters H. Virunum//ANRW. — II. 6 (1977).
13. Wilkes J. J. The Danubian and Balkan provinces//CAH². — Cambr., 1996. — Vol. 10.
14. Pflaum H.-G. Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire romain. — P., 1960. — Vol. I.
15. Groag E. Caesernii//RE. — 5. Hlbd. — Stuttgart, 1897. — Sp. 1310.
16. Chiusi T. Contributo allo studio dell'editto *de tributoria actione*. — Roma, 1993.
17. Földi A. La responsabilità dell'avente potesta per atti compiuti dall'*exercitor* suo sottoposto//SDHI. — 1998. — Vol. 64.
18. Krzypówek J. Odpowiedzialność predsiębiorcy (exercitor) w prawie rzymskim. — Warszawa, 2000.
19. Pugliese G. In tema di actio *exercitoria*//Idem. Scritti giuridici scelti. — Napoli, 1985. — Vol. 2.
20. Wacke A. Die adjektivischen Klagen im Überblick: Von der Reeder- und Betriebsleiterklage zur direkten Stellvertretung//Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. — 1994. — Bd. 111.
21. Дурново М. В. Scientia и voluntas domini как юридический механизм изменения социальных ролей//Древний Восток и античный мир. — М., 2005. — Вып. 7.
22. Nicolet C. L'ordre équestre a l'époque républicaine (312–43 av. J.-C.). — T. 1: Définitions juridiques et structures sociales. — P., 1974.
23. Nicolet C. L'ordre équestre a l'époque républicaine (312–43 av. J.-C.). — T. 2: Prosopographie des chevaliers Romains. — P., 1974.
24. D'Arms J. Commerce and Social Standing in Ancient Rome. — Cambr. (Mass.); L., 1981.
25. Andreau J. Banque et affaires dans le monde romain (IVe siècle av. J.-C. — IIIe siècle ap. J.-C.). — P., 2001.
26. Andreau J. La vie financière dans le monde romain. Les métiers de manieurs d'argent (IVe siècle av. J.-C.—IIIe siècle ap. J.-C.). — Roma; P., 1987.

27. Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения во время Империи. — Очерк второй. Т. Помпоний Атик (друг Цицерона), как представитель особого типа земельных магнатов в переходную эпоху от республики к империи //ЖМНП. — 1896. — № 2.

Резюме

Ляпустин Б. С. *Провінції у господарському житті знатної римської фамілії II ст. до н. е.—I ст. н. е.*

Провінції справили суттєвий вплив на економічне життя римської знаті, дозволивши їй представникам збагачуватися за рахунок воєнної здобичі, торгівлі та фінансових операцій. Фамілія, як основний соціально-економічний осередок, слідом за *civitas*, вийшла за межі Італії, що приносило великі прибутки, але ускладнювало контроль *pater familias* за його представниками на віддалених територіях. Водночас успішно керувати економічною діяльністю в провінціях і займатися політикою в Римі стало неможливо. Це розділило римську знать на вершників, що були зайняті відкупамі й фінансовими операціями, та сенаторів, заглиблених у політику. Останні постійно потребували грошей, які фамільна власність не давала в достатній кількості. Це було проявом кризи фамілій знаті в епоху кризи римської *civitas*.

Ключові слова: стародавній Рим, провінції, фамілія, сенатори, вершники, економіка, фінанси.

Summary

В. Lyapustin. *Provinces in an Economic Life of the Noble Roman Familia of the 2nd Century BC—1st Century AD.*

Provinces had an influence on an economic life of the Roman nobles by letting them enrich themselves owing to war booty, trade and financial operations. Following the *civitas*, the *familia*, main social and economic unit, spread outside Italy. That gave big incomes, but, at the same time, that made more difficult for the *pater familias* to control his agents in remote lands. It became impossible to successfully direct economic activities in provinces and simultaneously occupy with politics in Rome. As a result, the Roman nobility was divided in *equites* concerned in farming and financial operations, and senators devoted to politics. The last ones were continuously in need of money, which the *familia* property could not supply them with in sufficient quantity. It was a reflection of the noble *familia* crisis at the epoch of the Roman *civitas* crisis.

Key words: ancient Rome, provinces, *familia*, senators, *equites*, economy, finances.

